

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/75/10

**«Якутия» А. Е. Строганова.
Художественная деконструкция мифологической идиллии**

И. В. Силантьев, Ю. В. Шатин

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Проблема идиллического пространства занимает важное место в мифопоэтике сибирского текста и по праву может считаться одной из доминирующих мифологем в культуре и литературе народов Сибири. Реализацией этой мифологемы часто служит мифопоэтический топос Беловодья. Беловодье привлекало внимание писателей двух прошедших столетий, в том числе сибирских авторов – А. Е. Новосёлова, М. Плотникова и др. Смена парадигмы реалистического письма письмом постмодернистским, произошедшая на рубеже XX–XXI вв., позволяет по-иному взглянуть на мифологическую идиллию, обнаружить иные пути её художественной деконструкции. В качестве примера деконструкции идиллического мифа эпохи постмодерна рассмотрена пьеса алтайского драматурга А. Е. Строганова «Якутия». Заданная как идиллия безлюдья, холода и аскезы, Якутия в финале чудесным образом превращается в страну радости, света и тепла, т. е. становится противоположной идиллией, более соответствующей традиционной форме типизации. Обращение к идиллии в контексте постмодерна показывает, что она обладает чертами, противоположными реалистической трактовке. Идея коллективного счастья отчётливо заменяется идеей индивидуальной свободы отдельно взятого человека, его экзистенции. Вместе с тем основные, архетипические черты трансформированного мира оказываются весьма близкими к исходному прототипу: оставленный героям мир зла открывает дорогу не идиллии, но новому опыту постижения универсума.

Ключевые слова

мифопоэтика, миф о Беловодье, сибирская литература, А. Е. Строганов, пьеса «Якутия»

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884)

Для цитирования

Силантьев И. В., Шатин Ю. В. «Якутия» А. Е. Строганова. Художественная деконструкция мифологической идиллии // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 137–147. DOI 10.17223/18137083/75/10

© И. В. Силантьев, Ю. В. Шатин, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 2
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 2

“Yakutia” by A. E. Stroganov. Artistic deconstruction of the mythological idyll

I. V. Silantev, Yu. V. Shatin

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The problem of idyllic space occupies an important place in the mythopoetics of the Siberian text and can rightfully be considered as one of the dominant mythologemes in the culture and literature of the peoples of Siberia. The implementation of this mythologeme is often the mythopoetic topos of Belovodye. Belovodye attracted the attention of writers of the past two centuries, including Siberian authors A. E. Novoselov, M. Plotnikov, and others. The change in the paradigm of realistic writing with postmodern writing, which took place at the turn of the 20th – 21st centuries, allows taking a different look at the mythological idyll to discover other ways of its artistic deconstruction. The play “Yakutia” by Altai playwright A. E. Stroganov is considered as an example of deconstruction of the idyllic myth of the postmodern era. Intended as an idyll of desolation, cold, and asceticism, finally, Yakutia miraculously turns into a country of joy, light and, warmth, i.e., it becomes the opposite of the idyll, more consistent with the traditional form of typification. In the context of postmodernism, an appeal to the idyll shows that it has the features opposite to the realistic interpretation. The idea of collective happiness is clearly replaced by the idea of individual freedom of a single person, his existence. At the same time, the main, archetypal features of the transformed world turn out to be very similar to the original prototype: the world of evil left by the heroes opens the way not for an idyll but for a new experience of comprehending the universe.

Keywords

mythopoetics, the myth of Belovodye, Siberian literature, A. E. Stroganov, the play “Yakutia”

Acknowledgments

This research is carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences “Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language” supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884

For citation

Silantev I. V., Shatin Yu. V. “Yakutia” by A. E. Stroganov. Artistic deconstruction of the mythological idyll. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, pp. 137–147. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/10

Беловодье. Мифопоэтика идиллии в сибирском тексте

Проблема идиллического пространства занимает важное место в мифопоэтике сибирского текста и по праву может считаться одной из доминирующих мифологем в культуре и литературе народов Сибири. Реализацией такой мифологемы часто служит мифопоэтический тоpos Беловодья. Вместе с тем по своим основным параметрам конструкция этого топоса отличается от ряда других хронотопических образований. Прежде всего это проявляется в отсутствии чёткой прикреплённости Беловодья к какому-то определённом жанру. Как отметил около полувека назад известный этнолог К. В. Чистов, «легенда о Беловодье по принятой у нас классификации не подходит как будто ни под одно из жанровых определений. Это не просто религиозная легенда, в которой действующими лицами яв-

ляются святые или персонажи из Ветхого или Нового Завета; это не предание в обычном смысле слова, так как речь идёт не об исторических лицах и событиях. Более того, в ней вообще нет ни сюжета, ни действующих лиц» [Чистов, 1962, с. 116].

Сходной точки зрения придерживается и современная исследовательница Т. А. Богумил, отмечающая, что «“мерцающий” характер текста легенды проявляется в отсутствии устойчивого текста при сохранении узнаваемых деталей Беловодья – удалённость и труднодоступность локуса, праведность его насельников» [Богумил, 2018. С. 90]. Естественно, при такой размытости жанра можно ожидать проникновения в тот или иной текст, связанный с Беловодьем, разнообразных, порой взаимоисключающих мотивов. Тем не менее при всех различиях условием развития оказывается устойчивая схема, «включающая три элемента: исход – путь – обретение» [Дутчак, 2007. С.25], где исход является точкой начала повествования, а обретение либо гибель персонажа – конечной.

Беловодье привлекало внимание писателей двух прошедших столетий, в числе которых нельзя не упомянуть Н. В. Гоголя, мечтавшего отправить основных персонажей своей поэмы в Беловодье для обретения духовного преображения. «Тема беглецов, бежавших в Сибирь в поисках своего Беловодья, своего рода крестьянского рая на земле “поддерживает” план духовного просветления и преображения героев в продолжении второго тома “Мёртвых душ”, известных нам по мемуарной литературе и по высказываниям самого Гоголя» [Дмитриева, 2018, с. 135].

Разумеется, проблема Беловодья волновала не только писателей-классиков, но и вызвала пристальный интерес к ней сибирских авторов. Одним из примеров реалистической прозы, связанной с Беловодьем, справедливо считается повесть А. Е. Новосёлова, вышедшая под одноимённым заглавием в 1917 г. «Беловодье» воспроизводит основную сюжетную схему, обогащая её новыми мотивами. Завязка фабулы связана со смертью лучшего алтайского кузнеца Панкрата и его предсмертными словами о Беловодье, идиллическом месте, где «вдоволь воды, земли и леса, и птицы, и злаков всяческих» и где можно обрести духовное преображение. «Не должно там быть власти, от людей поставленной... Тем и свято оно, Беловодье. Ни пашпорта тебе там, ни печати антихристовой... Ничего... Правой вере простор... Живи, как хочешь» [Новосёлов, 1957, с. 52].

Сын Панкрата Панфил, давший отцу клятву найти Беловодье, посвящает этому подвигу всю оставшуюся жизнь. Обладая способностями проповедника, он убеждает староверов совершить несколько путешествий. Во время последнего происходит столкновение крестьян с калмыками, закончившееся гибелью многих участников. «Всё было залито жарким золотом. Но не жизнь и радость, не смех и песни были в знойном молчании – то было великое молчание смерти. Она была близко, была разлита повсюду и спокойно, открыто смотрела беловодцам в глаза. К ней подошли вплотную» [Там же].

В финале брошенный староверами, одинокий Панфил гибнет. И прежде чем оставить этот мир, видит великолепную идиллию Беловодья. «Но, верно, только того и ждало море – озеро святое. Подступило к самому холму и открылось Панфилу в красоте своей великой – с островами, скитальцами и храмами. Ликующим, радостным звоном зазвенели невидимые по лесам и под водой колокола. Подошла к холму лодка. Панфил, ясный и спокойный, поплыл к тихой обители» [Там же]. В реалистической прозе А. Е. Новосёлова исследователи справедливо обнаруживают демистификацию ветхозаветного сюжета о земле обетованной. В «Беловодье» «повествователь переиначивает ветхозаветный сюжет: исход из пустыни

обеспечивает не преданность догмату, но рационалистический анализ ситуации, место смиренного Панфила занимает деятельный Хриносиф, единственный, способный свободно принимать решения» [Ковтун, 2010, с. 141].

Многие десятилетия пролежала неопубликованной другая повесть о Беловоде – произведение талантливого русского писателя первой трети XX в. Михаила Плотникова, о которой пишет Е. А. Папкина [2011] в исследовательском предисловии к ее изданию в журнале «Сибирские огни». «Выдержанный в высокой эмоциональной тональности финал повести М. Плотникова, имеющий ярко выраженный религиозный смысл, несмотря на слова о “наивной вере”, без сомнения, не давал никаких оснований для ее публикации в советской печати в 1925 г.», – пишет исследовательница [Там же, с. 139].

Смена парадигмы реалистического письма письмом постмодернистским, произошедшая на рубеже XX–XXI вв., позволяет по-иному взглянуть на мифологическую идиллию, обнаружить иные пути её художественной деконструкции. «В эпоху модерна происходит переход от собственно локальных мифов к мифам транслокальным, или панлокальным, то есть к таким устойчивым нарративам и образам, которые как бы заранее воспринимаются и воображаются в качестве необходимой и неотъемлемой онтологии пространства, фиксируемого не только и не столько конкретными психофизиологическими местами, сколько интенсивными коммуникативными стратегиями проникновения, выхода в пространства смежные, пограничные или метагеографические» [Замятин, 2009, с. 14]. В качестве примера деконструкции идиллического мифа эпохи постмодерна мы попытаемся рассмотреть пьесу земляка А. Е. Новосёлова алтайского драматурга А. Е. Строганова «Якутия».

Художественный феномен «Якутии»

Пьеса известного барнаульского писателя и психотерапевта А. Е. Строганова отчётливо вписывается в систему поэтики сибирского текста, поскольку, как справедливо заметил исследователь, «Сибирь с её каторгами, пересыльными тюрьмами, принудительными поселениями и одновременно искателями счастья (переселенцами) в национальном сознании мифологизировалась, стала достоянием “доксы”, общепонятным хронотопическим образом некоторого присутствия человека в мире» [Тюпа, 2002, с. 27]. При этом Якутия с её удалённостью, малонаселённостью и экстремальным климатом заняла в сибирском тексте важное место как особая сакральная зона, попадая в которую персонажи оказываются в ситуации смещённой реальности, когда их поступки не подчиняются стандартным правилам, но требуют изобретения новых, отвечающих на открывающиеся вызовы. Вот почему Якутия как определённый мифопоэтический хронотоп не только привлекала внимание писателей реалистического направления, но и хорошо вписывалась в художественные принципы модернистов и постмодернистов.

А. Е. Строганов обозначил жанр своей пьесы как идиллию, хотя уже первые строки авторских ремарок заставляют усомниться в наличии идиллического начала. Известно, что в традиционной идиллии «жизнь и её события не отделимы от конкретного пространственного уголка, где жили отцы и деды, будут жить дети и внуки. Пространственный мирок этот ограничен и довлеет себе, не связан существенно с другими местами, с остальным миром, но локализованный в этом ограниченном пространственном мирке ряд жизни поколений может быть неограниченно длительным» [Бахтин, 1975, с. 374].

В пьесе алтайского драматурга Якутия – райское место, где живут два героя, муж и жена – Мура и Якут. Они на склоне лет умудрились построить для себя идиллию, потому что «в нашей, точнее, в их Якутии нет людей. Никого. Ни одного путника. Ни одного отшельника. Никого из тех, кто мог бы причинить нашим персонажам хоть какое-либо, пусть даже пустяковое или невольное зло» (Строганов. Якутия)¹. Таким образом, Якутия, в отличие от Беловодья, противопоставлена остальному миру не как утопическое торжество всеобщего блага, но как отсутствие зла, неизбежно присутствующего в покинутом героями мире. Благодаря тому, что с первых строк основным мотивом становится мотив не коллективной утопии, но мотив эскапизма, бегства от мира, само строение идиллической конструкции оказывается под большим вопросом. Другим важным минус-мотивом становится мотив отказа от прошлого, связанный с потерей памяти нашими героями.

«МУРА. Видишь ли, Якут, я просила тебя не вспоминать прошлое, просила не вспоминать прошлое, не говорить о прошлом, но к будущему это не относится. О будущем-то я, напротив, прошу тебя рассказать. ЯКУТ. Но там ничего нет, говорю же (Пауза). МУРА. Что, там нет снега? ЯКУТ. Ну почему же, снег там есть. МУРА. Значит, там что-то есть? ЯКУТ. Да, конечно, снег, много снега... Много снега... Сперва, Мура, мне показалось, что там, в будущем, и нет ничего. Но зато, когда я присмотрелся, я увидел. И знаешь, что я увидел, Мура?.. Снег, много снега» (Строганов. Якутия).

На месте обозначенной идиллии в пьесе возникает драма сознания, в круг проблематики которой «входит проблема памяти как отражение прошлого, отодвинутого во времени (механизм вспоминания, искажения памятью данного реального ощущения). Отсюда в пьесах Строганова вариативность событий, изображённых с разных точек зрения» [Купцова, 2013, с. 156]. Итак, в создаваемой автором мифопоэтике Якутии прошлое нестабильно и допускает наряду с забвением ряд произвольных интерпретаций, а будущее представляется бесконечно длящимся пространством, заполненным снегом, и полностью лишённым событийности временем.

Вместе с тем полифонизм словесной партитуры в драме «Якутия» отчётливо указывает на перевод трансляции мифа в иную плоскость – плоскость эпического театра Брехта. Любой миф, как мы знаем, исключает критическое отношение. «Миф основан на внушении, он должен производить непосредственный эффект, неважно, что потом миф будет разрушен, ибо предполагается, что его воздействие окажется сильнее рациональных объяснений, которые могут опровергнуть его позже» [Барт, 1989, с. 97]. Эпический театр и эпическая драма, напротив, предполагают рациональное объяснение ситуаций и вытекающих из них действий актёров.

В пьесе Строганова такая рационализация достигается двумя способами. Во-первых, расширенными ремарками, составляющими едва ли не половину текстового объёма «Якутии», в которых создатель пьесы пытается объяснить поступки персонажей и те средства, которыми они осуществляют диалог. Уже во введении присутствует большое число объясняемых автором мотивов. «Перед нами то, вполне вероятно, единственное место на Земле, где два человека на склоне лет умудрились построить идиллию» (Строганов. Якутия); или попытка объяснить

¹ Здесь и далее пьеса цитируется по: *Строганов А. Е. Якутия*. URL: http://lit.lib.ru/s/stroganow_a_e/text_0550.shtm/.

происхождение имени главного героя: «Допустим, Якут – фамилия, нередко жёны называют до самой смерти своих мужей по фамилии, как бы не позволяя им окончательно раствориться в себе» (Строганов. Якутия). Точно так же объясняется место действия. «Закономерен вопрос, отчего Якутия, а не какая-нибудь Мурия с олеандрами и кипарисами выбрана персонажами для идиллии? Ответ прост. В нашей, точнее, в их идиллии нет людей. Никого» (Строганов. Якутия).

Другой важной отсылкой к принципам эпического театра становятся авторские указания актёрам, как играть ту или иную сцену. Так, в ремарке ко второму эпизоду первого действия «Иголка в подушке» указывается, что «данная сцена представляется автору весьма пластичной. Сцена – игра, баловство, этакое просоночное дуракаваляние» (Строганов. Якутия). Как заметил в своё время создатель эпического театра, «предпосылкой для применения “эффекта отчуждения”... является освобождение сцены и зрительного зала от всего магического, уничтожение всяких “магнитных полей”» [Брехт, 1960, с. 143]. Таким образом, Строганов одновременно задаёт основные координаты мифопоэтического действия, реализуемых в процессе диалога двух действующих лиц, и тут же разрушает их посредством авторских ремарок.

Особое место занимает в структуре «Якутии» сюжет, точнее его соотношение с фабулой пьесы. В теоретической статье «Парареализм» Строганов отводит сюжету в драматическом тексте своеобразную роль. «В свете обретенных в начале прошлого века психоаналитических знаний сюжет теряет привлекательность, жмёт. Но до конца избавиться от него означает прийти к театру абсурда. Велик соблазн. Но от этого я удерживаюсь, балансирую, берегу независимость»².

В «Якутии» существует некое подобие фабулы, которое и оказывается последним бастионом, удерживающим текст от драмы абсурда. Вместе с тем спорадические попытки автора, которому всячески сопротивляются персонажи, приводит к усилению описания, вступающего в борьбу с элементами действия и ослабляющего собственно сюжет. «Ибо сюжет – это всегда назидание, убеждение, ткань жёсткая, порой мёртвая, и финал всякого сюжета печален. Счастливый финал, happy-end, также печален и назидателен. Крепкий сюжет развращает и разрушает души. Китайская казнь, газовая камера, вакуум рано или поздно вызывают отторжение, как великие писатели после школьного урока литературы»³.

Различные способы защиты от превращения фабулы в развёрнутый сюжет, представленные в «Якутии», вызывают отчётливый эффект ретардации, или того, что сам писатель называет синкопированием, обусловливающим, кроме всего прочего, разрыв между отдельными сценами, превращая их в завершённые фрагменты. Действительно, обилие повторов, пауз, рифмующихся ситуаций и отдельных высказываний, пожалуй, единственное, что сближает реплики героев с авторскими высказываниями. Так, Якут, рассказывая Муре о добыче алмазов, замечает, как те прячутся в его следах. «Не по середине шага, не на виду, а как-то в уголке... в носочке или пяточке... нужно присмотреться, чтобы их разглядеть... не кричат на солнце (...) Выглядывая из-под снега, смотрят на тебя... во взгляде робость... живые» (Строганов. Якутия).

Впрочем, словесное изобилие на фоне медленного течения действия – не единственный способ предотвратить искушение развёртывания сюжета. Гораздо большее значение, на наш взгляд, имеет тотальная семиотизация текста «Якутии»,

² См.: *Строганов А. Е.* Парареализм. URL: <http://www.stroganow.ru/pararealism/>.

³ Там же.

выражающаяся в смещении акцента со словесных знаков на знаки индексальные и иконические. Например, в четвёртом эпизоде первого действия – «Встреча» – реплики состоят из двух слов-имён, которыми обмениваются персонажи, обращаясь друг к другу. Благодаря этому денотативный слой диалога стремится к нулевому значению, но происходит усиление коннотативного эффекта: с каждой повторяющейся репликой, сопровождающей разглядывание горки льдинок, возрастает накал волнения Якута и Муры.

В следующем эпизоде – «Узор» – слов нет вообще, а всё действие развёртывается как партитура жестов, обозначенных в ремарке. «Якут и Мура складывают из льдинок узор на столе. При этом они то и дело перемещаются вокруг стола, помогают друг другу руками и руками же спорят. Оттого, что льдинки быстро тают, они очень и очень спешат» (Строганов. Якутия).

В поэтической системе текста «Якутии» фабула как бы проступает сквозь узоры деталей и различного рода знаковых образований. Собственно фабула – это единственное, благодаря чему заявленная мифологическая идиллия обнаруживает себя. Толчком, приводящим механизм фабулы в движение, является эпизод, в котором герой нарушает запрет на упоминание прошлого. Якут, говоря о блаженном состоянии случившегося инсульта, неожиданно вспоминает имя умершего сына – Бибигона. Прорыв в область сознания лишает персонажа прежнего состояния, где «инсульт – это очень интимное (...) Почти что, как смерть... Да, так оно и есть, то же блаженство» (Строганов. Якутия). Конец беспамятства оказывается концом Якутии и связывается с разрушением идиллии и приходом Бибигона. «У нас в Раю, гость из Ада, Бибигон», – говорит Мура (Строганов. Якутия).

Далее Якут душист Бибигона, убивая его во второй раз, бальзамирует его тело. Затем в финале Бибигон снова оживает. В седьмом эпизоде – «Едоки земляники» – оживший Бибигон «неотразим и элегантен. На нём крахмально белая сорочка, иссиня чёрный костюм с бабочкой. Кажется, что он стал моложе. Мура и Якут не сводят глаз со своего сына. Все с аппетитом едят землянику» (Строганов. Якутия). В конце Якут и Бибигон катают Муру на велосипеде.

Как видим, фабула «Якутии» складывается из наложения двух мифологем: разрушаемой идиллии и мифологемы мёртвой и живой воды, благодаря которой осуществляется трансфигурация Бибигона, а вместе с этим и изменение основных пространственных координат. «Бибигон со скрипом открывает дверь. В комнату устремляется нестерпимо яркий свет» (Строганов. Якутия). Если так можно выразиться, «недосюжетность» фабулы приводит к новому измерению в пьесе, где, по словам О. Купцовой, «конфликт, заложенный в разрыве между ощущениями и возможностью / способностью описать эти ощущения для себя и для других, между фрагментарностью переживаний и необходимостью выстраивать фабулу при саморефлексии и тем более при “рассказе”, подразумевающим адрес, собеседника, слушателя, становится универсальным в драматургии Строганова и Клима. Именно этот конфликт обусловливается непониманием персонажем самого себя (сложность самоидентификации) и взаимоотношением между персонажами (проблема коммуникации)» [Купцова, 2013, с. 155].

Наконец, говоря о принципе разрыва, используемого для деконструкции мифологической идиллии, нельзя не вернуться к вопросу об антитезе ремарки и реплики как основных элементов драматического текста. Начиная с Бернарда Шоу, ремарка качественно изменяет свою функцию, перестаёт быть техническим руководством к передвижению актёра на сцене. Теперь её роль сводится к усилению эпического начала в качестве контрапункта к действию. Сто лет спустя после от-

крытия Бернарда Шоу, в последние десятилетия прошлого века, ремарка как единица драматического текста переживает второй этап трансформации. Теперь эпос отчётливо вытесняется лирикой, а сами ремарки начинают всё больше напоминать нечто среднее между свободным стихом и лирической прозой. Такая тенденция достигает пика у современных молодых драматургов, например, в некоторых пьесах Оли Мухиной ремарки вообще представлены классическим стихом с рифмами, тогда как реплики сохраняют характер обыденной речи.

У Строганова в «Якутии» ремарки тяготеют к лирической прозе, фиксируя разнообразие оттенков чувств и ощущений героев, которые по аналогии переносятся на мир вещей – предметы театральной декорации. «Несколько перекошенный, растрёпанный, а потому живой абажур под потолком»; «подушки, пуфики, думки волнуются, шевелятся, расступаются»; «врата шумно и тяжело разверзаются»; а над героями, поедающими картофель, «гримасничают клубы пара». Количество подобных примеров легко увеличить.

Совершенно иначе строятся реплики героев. В их основе лежит принцип особой ритмической организации. Этот принцип можно определить как эффект резонанса, когда высказывания одного из персонажей тут же подхватываются и дублируются другим героем. Создаётся впечатление, что общий речевой поток как бы переливается из одного сосуда в другой. Как показали исследования Ж. Лакана, основная функция бессознательного заключается не в том, чтобы информировать, но в том, чтобы вызывать в сознании другого адекватные самому себе представления. «В языке я идентифицирую себя, но лишь для того, чтобы затеряться в нём как объект. В моей истории реализуется не прошедшее время, выражающее то, что было, ибо его уже нет, и даже не перфект, выражающий присутствие того, что я был, в том, что я есть сейчас, а скорее предшествующее будущее: то, чем я буду в прошедшем для того, чем я теперь становлюсь» [Лакан, 1995, с. 63]. Трудно сказать, насколько осознанно Строганов конструирует речь своих персонажей по лекалам лакановских исследований, однако аналогия здесь налицо.

Другой важной особенностью речи героев «Якутии» становится их рефлексия над звуковой составляющей дискурса и желание переименовывать предметы, дать им новые имена. Во втором действии Якут признаётся, что земляника на самом деле «лизия. Так я назвал землянику... Название для Якутии (...) “эль” на кончике языка. Это когда ты только что положил ягоду в рот. Прохладную. Всегда прохладную. Всегда льдинку. “Эль”. И тотчас фейерверк (...). Что за чудо эта лизия!.. В голове кружится “зея”; “лизея”, но в “е” кроется опасность. Чувствуешь опасность? Змеиное нечто... Нет, только лизия, и никак больше (Строганов. Якутия). Как известно, на ранних этапах развития языка отношения между означающим и означаемым были иными, нежели сейчас, более иконическими, ориентированными на сходство звука и смысла, поэтому нет ничего удивительного, что изобретая специальный язык для Якутии, Якут реализует указанный принцип.

Таким образом, в системе современной драматургии приёмы работы с мифопоэтическим пространством характеризуются рядом особенностей, которые мы и стремились показать. Заданная как идиллия безлюдья, холода и аскезы, Якутия в финале чудесным образом превращается в страну радости, света и тепла, т. е. становится противоположной идиллией, более соответствующей традиционной форме типизации. Однако вопрос остаётся. Трудно сказать, насколько герои оказались вписанными в новое пространство. Мура, похоже, увидела чеховское небо

в алмазах. Но его свет ослепил Якута. Последняя его фраза: «Ничего не вижу», – завершает драму Строганова.

Заключение

Обращение к мифологической идиллии в контексте постмодерна показывает, что она обладает чертами, противоположными реалистической трактовке. Идея коллективного счастья отчётливо заменяется идеей индивидуальной свободы отдельно взятого человека, его экзистенции. Вместе с тем основные, архетипические черты трансформированного мира оказываются весьма близкими к исходному прототипу: оставленный героями мир зла открывает дорогу не идиллии, но новому опыту постижения универсума.

Список литературы

- Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
- Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. С. 234–407.
- Богумил Т. А.* Беловодье: легенда, миф, бренд // Культура и текст. 2018. № 3. С. 89–102.
- Брехт Б.* О театре. М., 1960.
- Дмитриева Е. Е.* Миф о Беловодье, опоньское царство староверов-бегунов и загадка второго тома «Мёртвых душ» // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 3. С. 116–143.
- Дутчак Е. Е.* Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таёжных общин староверов-странников. Томск, 2007.
- Замятин Д.* Локальные мифы: модерн и географическое воображение // Обсерватория культуры. 2009. № 2. С. 14–23.
- Ковтун Н. В.* Идея земного рая в повести А. Е. Новосёлова «Беловодье» // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве. Красноярск, 2010. С. 133–143.
- Купцова О.* «Драма сознания» Александра Строганова и Клима // Acta universitatis Lodzianensis. Folia litteraria rossica. 2013. С. 151–163.
- Лакан Ж.* Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995.
- Панкова Е. А.* «Беловодье» Михаила Плотникова: русская литература 1-й трети XX в. в поисках крестьянского рая // Сибирские огни. 2011. № 4. С. 133–139.
- Строганов А. Е.* Парареализм. URL: <http://www.stroganow.ru/pararealism/>.
- Тюпа В. И.* Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 28–35.
- Чистов К. В.* Легенда о Беловодье // Тр. Карельского филиала Академии наук СССР. Петрозаводск, 1962. Вып. 35. С. 116–181.

Список источников

- Новосёлов А. Е.* Беловодье. Барнаул, 1957.
- Строганов А. Е.* Якутия. URL: http://lit.lib.ru/s/stroganow_a_e/text_0550.shtm/.

References

- Bart R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow, 1989.
- Bakhtin M. M. *Formy vremeni i khronotopa v romane* [Forms of time and chronotope in the novel]. In: Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let*.

nykh let [Questions of literature and aesthetics. Studies of different years]. Moscow, 1975, pp. 234–407.

Bogumil T. A. Belovod'e: legenda, mif, brend [Belovodie: legend, myth, brand]. *Culture and text*. 2018, no. 3, pp. 89–102.

Brekht B. *O teatre* [About the theater]. Moscow, 1960.

Chistov K. V. Legenda o Belovod'e [Legend of Belovodiye]. *Tr. Kare'skogo filiala Akademii nauk SSSR*. 1962, iss. 35, pp. 116–181.

Dmitrieva E. E. Mif o Belovod'e, opon'skoe tsarstvo staroverov-begunov i zagadka vtorogo toma "Mertvykh dush" [The myth of Belovodie, the opan kingdom of the old believers-runners and the riddle of the second volume of Dead Souls]. *Studia Litterarum*. 2018, vol. 3, no. 3, pp. 116–143.

Dutchak E. E. *Iz "Vavilona" v "Belovod'e": adaptatsionnye vozmozhnosti taezhnykh obshchin staroverov-strannikov* [From "Babylon" to "Belovodye": adaptation possibilities of taiga communities of old believers-strangers]. Tomsk, 2007.

Kovtun N. V. Ideya zemnogo raya v povesti A. E. Novoselova "Belovod'e" [The idea of the earthly paradise in the story of A. E. Novoselov "Belovodye"]. In: *Sibirskiy tekst v natsional'nom syuzhetnom prostranstve* [Siberian text in the national narrative space]. Krasnoyarsk, 2010, pp. 133–143.

Kuptsova O. "Drama soznaniya" Aleksandra Stroganova i Klima ["Drama of consciousness" of Alexander Stroganov and Klima]. *Acta universitatis Lodziensis. Folia litteraria rossica*. 2013, no. 8, pp. 151–163.

Lakan J. *Funktsiya i pole rechi i yazyka v psikhoanalize* [The function and field of speech and language in psychoanalysis]. Moscow, 1995.

Papkova E. A. "Belovod'e" Mikhaila Plotnikova: russkaya literatura 1-y treti 20 v. v poiskakh krest'yanskogo raya [Mikhail Plotnikov's Belovodye: Russian literature of the 1st third of the 20th century in search of a peasant paradise]. *Sibirskie ogni*. 2011, no. 4, pp. 133–139.

Stroganov A. E. *Pararealizm* [Pararealism]. URL: <http://www.stroganow.ru/pararealism/>.

Tyupa V. I. Mifologema Sibiri: k voprosu o "sibirskom tekste" russkoy literatury [Mythologem of Siberia: to the question of the "Siberian text" of Russian literature]. *Siberian Journal of Philology*. 2002, no. 1, pp. 28–35.

Zamyatin D. Lokal'nye mify: modern i geograficheskoe vobrazhenie [Local myths: modernity and geographical imagination]. *Observatory of Culture*. 2009, no. 2, pp. 14–23.

List of sources

Novoselov A. E. *Belovod'e* [Belovodye]. Barnaul, 1957.

Stroganov A. E. *Yakutiya* [Yakutia]. URL: http://lit.lib.ru/s/stroganow_a_e/text_0550.shtm/.

Сведения об авторах

Силантьев Игорь Витальевич – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории вербальных культур народов Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

silantev@philology.nsc.ru

ORCID 0000-0002-1399-8960

WoS Researcher ID S-7121-2016

Шатин Юрий Васильевич – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории вербальных культур народов Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

i.shatin@g.nsu.ru

ORCID 0000-0002-2725-2836

Information about the authors

Igor V. Silantev – Doctor of Philology, Professor, Principal Researcher at the Laboratory of Siberian and the Far Eastern Verbal Cultures, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

silantev@philology.nsc.ru

ORCID 0000-0002-1399-8960

WoS Researcher ID S-7121-2016

Yuri V. Shatin – Doctor of Philology, Professor, Principal Researcher at the Laboratory of Siberian and the Far Eastern Verbal Cultures, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

i.shatin@g.nsu.ru

ORCID 0000-0002-2725-2836